



Елена Джонсон

Бейкер-стрит
в Александровке
часть 1

Тетя Ася, трое нахальных
детей и старый дом

Огромный старый дом в деревне, доставшийся в наследство семье Куликовых, таит в себе много тайн и историй. Так увлекательно копаться в его недрах, находя потайные ящички и старинные предметы! Однако безмятежный летний отдых был прерван загадочным происшествием в доме соседки Клеопатры Апполинариевны, в расследование которого с азартом включились и дети, и взрослые. Трудно сказать, что приносило им большее наслаждение — сам процесс расследования, или его результат. Старинная деревня Александровка становится на время центром притяжения преступников, сектантов, привидений, — куда же без них, — к вящему восторгу ее жителей.

Елена Джонсон

Бейкер-стрит в Александровке

Тётя Ася раздражённо швырнула на стол блюдо с сырниками.

Племянников, наводнивших старый дом, она любила. Да и готовить была не прочь, рассматривая это как творчество. Но сейчас в кабинете ее ждал ноутбук с незаконченным переводом омерзительно слащавого любовного романа, и она заранее злилась.

Труднее было созвать к столу детвору, чем приготовить завтрак. Племянники рассыпались по всему дому, оживленно верещали на чердаке, рылись в шкафах, самозабвенно носились по саду.

Деревенский дом был старый и огромный, доставшийся в наследство от деда, и тетя Ася сама еще не успела исследовать его до конца. Ребятью больше всего привлекал старый хлам, которым был забит чердак, и огромные шкафы на верандах. Там они упоенно рылись целыми днями.

Их интерес к дому подогревался рассказами Клеопатры Апполинариевны, местной дамы из дома напротив, с претензиями на аристократичность. В огород она неизменно выходила в кокетливой соломенной шляпке с широкими полями и в длинных платьях, которые

цеплялись за сорняки и отчаянно стремились прикрыть выглядывавшие из-под них деревенские разбитые калоши.

Клеопатра Апполинариевна уверяла, что этот дом с сюрпризами, поскольку связан с двумя таинственными самоубийствами двух сестер-прапрабабушек, не пожелавших выйти замуж за подысканных самодуром — пра-прапрадедом богатых женихов.

— К столу, все стынет. Немедленно к столу! — бросила клич тетя Ася и, повернувшись к двери, остолбенела. В дверях стояла молодая дама в длинном черном платье покроя девятнадцатого века. На голове красовалась изящная шляпка с вуалью, руки до локтей были обтянуты черными перчатками. Дама бесшумно и неторопливо прошла вглубь кухни. Тетя Ася ахнула, попятилась назад к плите и медленно сползла на стул.

— «Вы... вам... я... а-а-а-а-а!!!»

Дама молчала. Тетя Ася беззвучно открывала и закрывала рот, оглохшая от внезапно наступившей в доме тишины. Дама медленно подняла руку. Вдруг, подобно взрыву, раздался грохот открываемой входной двери и в кухню с радостным лаем ворвался дружелюбный лохматый пес Рики. Он запрыгал вокруг дамы, несколько не смущаясь ее таинственностью.

— Рики, отстань, — закричала дама Иркиным

голосом.

— Ну, — выдохнула тетя Ася, когда вновь обрела способность говорить. — Это уже перебор!. Ты рылась в прабабкиных шкафах на веранде?

— Испугалась, испугалась, — пела Ирка, скача вокруг тети. — А говорила — и в привидения не веришь, и в чертовщину всякую не веришь — ага, поверила, да? — с восторгом верещала она.

Ирка была старшей племянницей. Ей было уже четырнадцать лет и она потихоньку приобретала женственность, а вместе с ней и страсть к тряпкам.

Тетя Ася, закрыв глаза, медленно сосчитала до десяти, вздохнула и вручила Ирке сыр и ветчину с поручением все красиво порезать.

Она вышла в просторную комнату с торжественным названием «гостиная», где высокие темные шкафы с виноградными листьями соседствовали с глубокими мягкими креслами и ноутбуком на компьютерном столике, и огляделась. В гостиной не было ни души..

— Ребята, к столу, — провозгласила тетя Ася, и со всех сторон раздался веселый топот ног, совсем не соответствующий строгой атмосфере старого дома. Первым прибежал самый младший, Владик, по прозвищу «ботаник». Круглые очки придавали ему сходство с Паганелем. Он обожал вести философские разговоры со взрослыми и

сходил с ума по разного вида устройствам — компьютерам, старым фильмоскопам, грамофонам, — чем старше, тем интереснее. Сейчас он прижимал к животу толстую книгу, которую тащил с чердака. Следом за ним, пыхтя, бежал Броня. Его полное имя было Бронислав, и он до сих пор не был уверен, что сможет когда-нибудь простить своих родителей за это.

В данный момент Броня семенил за проворным братом, ворча, что он первый нашел книгу, следовательно, имеет право первым ее рассмотреть. Владик делал вид, что его не слышит, и бурно приветствовал тетю Асю, пытаясь заглушить Бронины стенания. — И все-то ты в трудах, аки пчела! — распевно завел он. — Да уж, не в пример некоторым, — улыбнулась тетя Ася. Она вполне понимала ребят и не обижалась, что те пока не помогали ей по хозяйству. — Что это вы нашли? — спросила она, беря из рук Владика тяжеленный том. — Это я нашел, а Владька отобрал, — счел своим долгом пояснить Броня.

Тетя Ася взглянула на обложку. Огромный темно-коричневый фолиант провозглашал с обложки полустершимися, некогда золотыми буквами: «Бесовския забавы» — Ну-ну, — с сомнением сказала тетя Ася. — Вы будете это читать?

В ответ Владик раскрыл фолиант в самом

конце. «Живые картины» — прочитала тетя Ася. Оказывается, в бесовския забавы с мрачной решимостью заносились тогдашние технические новинки. Интерес Владика, судя по всему, ограничивался скорее описанием проекционного фонаря, нежели ужасными последствиями, уготованными для тех, кто посмеет им воспользоваться.

Из кухни с любопытством выглянула Ирка и насмешливо взглянула на своих братьев:

— Все с древностью копаетесь? — осведомилась она, стараясь звучать не слишком язвительно.

— А по-твоему, Ирка, копать только в древних тряпках можно, — заспорил Броня. — Я тут, между прочим..., — важно начал он, указывая перстом на огромный том.

— Ой, — перебила его Ирка. — вы бы видели, как я тетю Асю напугала. Она, наверное, подумала, что к ней с того света и вправду ее прабабушка явилась. Да, тетя Ася? — спросила она, обращаясь к добродушно улыбавшейся тете. — И куда весь твой реализм подевался?

— Если живешь в доме с привидениями, — важно заметил Владик, выгрызая американский континент из куска сыра, — надо быть готовым ко всему.

И в самом деле, тете Асе с трудом удавалось

чувствовать себя реалисткой, оказавшись в огромном дедовом доме. Он не слишком располагал к реализму. После ее чересчур реального мира оказаться в этом лабиринте, где, переходя из одной комнаты в другую, спускаешься или поднимаешься по ступенькам, и где находишь новые комнаты после того, как уже кажется, что ты осмотрел их все — тут есть от чего закружиться и самой крепкой голове... Духи двух прабабушек-камикадзе витали в атмосфере, и их чудом не съеденный молью гардероб усиливал чувство причастности к иному миру — миру, из которого выглядывал с темного портрета в гостиной насупленный прапрадед и еще какие-то незнакомые тете Асе родственники, явно недовольные тем, что потревожено их родовое гнездо.

У тети Ася никак не доходили руки разобраться в наследии предков, которым была забита огромная мансарда и веранды — похоже, эти старые вещи лежали там, непотревоженные, не один десяток лет.

— Не забудьте, — сказала она, со вздохом возвращаясь к реальности, — вы обещали Клеопатре Апполинариевне прополоть морковку.

— О, Клео! — театрально воздел руку с сырником Броня, — верни мне клятву, данную тебе в порыве безумства!

— Ладно вам, ребята, — укоризненно

возразила тетя Ася. — Уж ей-то стоит помочь. Она ведь вам без конца что-нибудь вкусненькое с огорода приносит. Повозитесь у нее чуток, а потом — купаться.

— Не логичнее ли возделывать свой собственный сад, тетя Ася? — спросил Владик, откусывая от сыра Аляску, но тетя Ася лишь вздохнула. Где уж там выбраться в огород. На то, чтобы накормить этих сорванцов, уходило все время. Да и работа — тетя Ася была переводчиком любовных романов в довольно крупном издательстве — требовала уйму времени.

Немного посетовав на горькую судьбу, ребята отбыли в огород к их экзотической соседке.

Подходя к дому, они удивились, что во дворе и огороде не мелькает нелепая фигура Клеопатры. Днем она практически не заходила в дом.

— Может, она ушла на рынок? — с надеждой сказал Владик и сделал шаг назад к калитке. Но Ирка решительно постучала в дверь. Изнутри послышался сдавленный не то вскрик, не то всхлип, и ребята боязливо заглянули внутрь. Зареванная соседка сидела на диване среди многочисленных клеток с обожаемыми ею крысами и испуганно смотрела на них. Дети остолбенели: Клеопатра Апполинариевна с ее энергией сама могла заставить реветь кого угодно, и им было не по себе видеть ее такой.

Первым пришел в себя Владик.

— Что стряслось? — спросил он, подходя к ней.

Клеопатра икнула. — «К-к-ик — Кеша... без головы. Она всхлипнула и уронила слезу. Ирка за спиной у Брони покрутила пальцем у виска и побежала к телефону.

— Сейчас вызовем врача, сделают укольчик и все пройдет, — заворковала она.

— Ты думаешь, они пришьют ему голову? — с надеждой спросила Клеопатра и снова сникла. — Так ведь головы нет.

— У кого головы нет? — застыла на месте Ирка, и ребята стали озираться вокруг, опасаясь увидеть чей-нибудь обезглавленный труп. И они его увидели. Крыса Кеша, гордость Клеопатры Апполинариевна, экземпляр с редкой голубой окраской, лежала у своей клетки обезглавленная, среди небольшой лужицы крови. Кешкина голова действительно отсутствовала.

— Кто его так? — растерянно спросил Броня, и Ирка зашикала на него.

— Глупый вопрос, — немедленно отреагировал Владик. — Не Клеопатра же Апполинариевна.

Такт был ему явно несвойственен. Клеопатра Апполинариевна вновь зарыдала.

После длительных расспросов стало ясно

следующее. Утром Кешка бодро бегал по клетке и голова у него, по словам Клеопатры Апполинариевны, еще была. В девять часов утра старушка вышла в огород, в десять побежала к соседке за молоком и, вернувшись, увидела это душераздирающее зрелище. Входная дверь была закрыта. В доме ничего не пропало.

Все задумчиво молчали. Вернись Клеопатра Апполинариевна немного раньше, она вполне могла бы столкнуться с крысиным убийцей, и тогда неизвестно, чья голова отсутствовала бы сейчас. Законопослушный Владик посоветовал вызвать милицию.

— Не думаю, что они возьмутся за дело об убийстве крысы, — нерешительно сказала Ирка, но мальчики возразили:

— Налицо незаконное проникновение в дом. А вдруг они еще раз придут? Давай, Ирка, звони ты, у тебя голос взрослый.

Ирка тряхнула головой и протянула руку к телефону.

Тетя Ася стояла у плиты и размышляла, стоит ли ей затевать пельмени в такую жару. Лепить на четверых было канительно, но хотелось побаловать детей. К тете Асе пришло соломоново решение — приготовить фарш и тесто и усадить всех лепить пельмени, когда они придут с реки. Она достала

мясо из морозилки, и тут раздался телефонный звонок. Взволнованный голос Брони, захлебываясь, сообщил ей, что у Клеопатры Апполинариевны произошло убийство, ждут милицию, и ее, тети Асино, присутствие крайне необходимо в момент их приезда, поскольку должен же быть в доме хоть один здравомыслящий человек. Тетя Ася выронила мясо и заметалась по дому с пакетом муки в руках. Наконец, она положила муку на пол дверей и, забыв снять фартук, помчалась к дому Клеопатры Апполинариевны.

Вбежав в дом и увидев невредимую соседку, тетя Ася возмутилась всерьез. — Это уже слишком! — закричала она. — Всему есть предел, есть же вещи, которыми нельзя шутить.

— Что ты ей наговорил? — набросились на Броню Ирка и Владик.

— Все как есть, — растерянно ответил тот — И про милицию, и про убийство...

— Чье убийство, идиот? — прошипела Ирка.

— Как про чье? Я... в общем, кажется... не уточнил.

— «Не уточнил», — передразнил Владик, — из-за тебя тетя Ася вовсе не про то убийство подумала.

— Как не про то убийство! — прислонилась к стене тетя Ася. — что значит «не то убийство»? Так убийство все-таки произошло? Что же вы

молчите? — уже кричала она. — Кто убил? Клеопатра Апполинариевна, хоть вы скажите же уже наконец.

Клеопатра Апполинариевна медлила с ответом, не решаясь сказать, что убита всего-навсего крыса. Затянувшаяся пауза не спасала положение. Тетя Ася метала молнии, ребята что-то мямлили, а Клеопатра Апполинариевна готова была провалиться сквозь землю оттого, что причиняет столько беспокойства. Она было открыла рот, когда во дворе раздался шум мотора, и в дверь громко и решительно постучали.

Дом Клео моментально наполнился людьми. Участковый милиционер, два санитара с носилками, и еще двое в штатском с военной выправкой быстро прошли в дом. Не задавая вопросов, они прошли по всем комнатам, затем недоуменно остановились перед тетей Асей. Клеопатра Апполинариевна попыталась выдвинуться вперед, вспомнив, что она хозяйка дома, но ее почему-то не принимали всерьез.

— Где тело? — отрывисто спросил милиционер.

— Вот и я спрашиваю: где тело? — в тон ему нервно сказала тетя Ася.

— То есть как это? Где тело? — крикнул человек в штатском.

— Где тело? — закричала тетя Ася, обращаясь

к Клеопатре Апполинариевне.

— В-вот, — пролепетала она, протягивая бездыханного и безголового Кешу.

Участковый милиционер начал медленно багроветь.

— Это тело? — медленно спросил он.

— Нет, я... видите ли... да. — сказала несчастная Клеопатра Апполинариевна.

— Не сложился разговор, — мрачно пробормотал под нос Владик.

Молодой санитар захихикал. Милиционер свирепо посмотрел на него, и тот зашелся в приступе кашля. Второй санитар тоже начал издавать хрюкающие звуки, и они оба поспешно ретировались в холл, откуда слышалось уже не скрываемый хохот. Владик растерянно смотрел по сторонам. Он вовсе не так представлял себе беседу с органами.

— Налицо проникновение, — начал он, — в частную собственность, представляющее угрозу...

Молодцеватый человек в штатском насмешливо посмотрел на милиционера.

— Продолжайте, коллега, — сказал он. — И загляните-ка ко мне завтра в обед.

Все, кроме участкового, вышли во двор. Ирка

посмотрела в окно. Там санитары развернули носилки и маршировали по двору, возложив на них бранные Кешкины останки. Человек в штатском рывкнул на них, они вздрогнули и побежали к машине.

Тетя Ася сидела в кресле и не знала, плакать ей или смеяться. Зато участковый к смеху был не расположен.

— Так, — грозно начал он, — я, по-вашему, тут поставлен, чтобы ваших крыс охранять?

Он был из тех людей, которые закипают медленно, но впадают все в больший раж и уже не могут остановиться.

— Может быть, мне поставить телохранителя возле каждой клетки? Сколько их тут у вас? Девять? Сейчас я позвоню в город, объявлю план-перехват, вызову крысиный ОМОН... может быть, все бросят ловить преступников и...

— Минуточку, — вмешалась тетя Ася. — Насколько я понимаю, дело не в крысе, а в том, что кто-то проник в дом с оружием и...

— Может быть, — уже орал милиционер, — мне изъять все кухонные ножи у населения и арестовать всех пацанов, которых вы тут, — он метнул яростный взгляд в сторону детей, — распустили к чертовой матери?! Вот влеплю вам сейчас штраф за ложный вызов...

— Не имеете права! — заспорил Владик. —

Проникновение было? Было. А вы не реагируете. Налицо халатность...

К счастью, во дворе засигналила милицейская машина и участковый заторопился, пропустив этот выпад мимо ушей. В дверях он бросил через плечо:

— Еще один ложный вызов, и конфискую всех крыс. А ты, очкарик, только попадись мне еще!

— Налицо оскорбление при исполнении служебных... — начал Владик, но дверь захлопнулась, и его тирада пропала зря.

— Уж ты бы помолчал, — сердито сказала тетя Ася. — Налицо ему, видите ли! Вы, когда милицию вызывали, тоже не пояснили, чье убийство тут было совершено?

Ирка растерянно молчала.

Домой шли молча. Все чувствовали себя крайне глупо. Крысу, судя по всему, прирезали соседские мальчишки из озорства, и дети дали страшную клятву не делать ничего, не посоветовавшись сначала с тетей Асей.

Тетя Ася вдруг фыркнула: — Здорово вы разозлили участкового. Ладно, ничего страшного не произошло, кроме того, что на речку пойдете теперь после обеда. Сейчас налепим пельменей, — сказала она, отпирая дверь, — и...

— А-а-а-а-! — раздался истошный Иркин

визг: — Мамочки, тут кто-то лежит, я на него наступила! — . Она отшатнулась к дверям, и тетя Ася, включив свет, увидела у нее под ногами брошенный ею пакет с мукой. Пакет разорвался от Иркиной ноги, и мука рассыпалась по всей прихожей.

— Несите веник, — со вздохом сказала тетя Ася. — Видно, сегодня не наш день.

— Дурак он, — сердито заявил Владик, долепливая пельмень.

— Кто дурак? — осторожно поинтересовался Броня.

— Милиционер, конечно, — убежденно сказал Владик. — Вот увидите, никакие это не мальчишки, а преступник. Как бы он до Клеопатры не добрался.

— Хватит, Владька, — отмахнулась Ирка. — Все это ерунда.

— Все, ребята, — сказала тетя Ася. — Я сварю все сама, можете возвращаться на свой чердак.

Раздался стук в дверь. Дети встрепенулись, но, увидев, кто пришел, тут же потеряли к нему всякий интерес. Это был главбух местного супермаркета Алексей Владимирович Загайнов, здоровый мужик с потными руками, который периодически просился поработать на тети Асином

компьютере. Когда приходила пора делать очередной баланс, он чувствовал непонятное томление и тоску, которые проходили исключительно на даче. Брать туда компьютер, который «тянул» бы бухгалтерские программы, они с женой решительно не хотели, считая, что вполне можно работать на тети Асином.

Жена Загайнова, Оксана, уже молча и целеустремленно протискивалась в кабинет, двери в который были призывно раскрыты из гостиной, и где у стены таинственно поблескивал старинный секретер. Тетя Ася обреченно вздохнула:

— Опять баланс?

— Буквально на полчаса, — сказала Оксана. Значит, на полдня, — подумала тетя Ася:

— Хорошо, проходите, — сказала она вслух.

По всей видимости, сесть за работу ей удастся только вечером. Алексей Владимирович мялся у порога:

— Простите, вы не могли бы запереть Анфису на кухне?

Алексей Владимирович до судорог боялся кошки Анфисы. Всегда мирное изящное создание действительно превращалось в фурию при нем. Она уже нападала на него пару раз, и Алексей Владимирович доблестно отбивался, намотав на руку толстенный шарф. Дело, очевидно, было в его запахе, которым был пропитан он сам и весь их

дом. Они тоже держали кота, который гадил там, где заставлял его зов природы — на диван, в обувь, на ковер, и даже на стопку бухгалтерских документов. Соседи заходили к ним по крайней необходимости, задерживая дыхание. Один раз Загайновы звали тетю Асю на чашку кофе — видимо, чувствуя себя обязанными за пользование ее компьютером. Она, пересилив себя, села за стол и даже заставила себя сделать глоток, но впечатление было такое, будто она выпила кошачьей мочи. Анфису этот запах приводил в дикую необузданную ярость. Видимо она считала Загайнова огромным котом, и сражалась с ним не на жизнь, а на смерть. Ее доблестные военные вылазки заканчивались выдворением на кухню, где она негодовала взаперти, издавая первобытный вой. Дети при этом возмущались, но тетя Ася, которая уже извела однажды пузырек йода на исцарапанные руки бухгалтера, не могла допустить нового кровопролития. Оксану при этом Анфиса загадочным образом не трогала, и даже снисходила до того, чтобы посидеть у нее на коленях.

Кошка, почуяв запах врага, уже вышла в коридор, прижимая уши и издавая утробное рычание. Алексей Владимирович напрягся и затравленно прижался к двери. Тетя Ася со вздохом подняла вырывающуюся Анфису и пошла с ней на кухню, варить пельмени.

Помыв посуду и выгнав из кухни прожорливого Броню, который пришел перекусить перед обедом, она принялась за салат и услышала нечеловеческий вой, затем визг Оксаны, крик бухгалтера и хохот детей.

— Дети, прекратите баловаться, — крикнула она. Оглянувшись, она увидела, что Анфисы на кухне не было. Почуввав неприятности, тетя Ася побежала в гостиную. Алексей Владимирович со страдальческим видом снимал носок, а над ним заботливо склонялась Оксана. Дети, делая постные лица, стояли у двери во внутренний коридор.

Тетя Ася бросилась к старинному буфету, достала с полочки йод и бинты и молча протянула Оксане. Та так же молча их взяла и повернулась к покусанному мужу.

— Вам помочь? — заискивающе предложила тетя Ася, но Оксана лишь покачала головой. У тети Аси упало сердце. Несмотря на то, что визиты этой четы ее раздражали, она действительно чувствовала себя виноватой.

После допроса с пристрастием выяснилось следующее. Каким-то образом, — пояснил Владик, — Анфиса выбралась из кухни. Тетя Ася при этих словах с подозрением покосилась на Броню. Тот с невероятным интересом рассматривал портрет прапрадедушки, и тетя Ася про себя решила обязательно разобраться с ним попозже.

— Анфиса пошла себе, никого не трогала, — продолжил Владик, — прошла в гостиную и села на нижнюю полку книжного стеллажа позади Алексея Владимировича. Там она мирно сидела, и сидела бы до сих пор, — голос Владика приобрел негодующий оттенок, — если бы Алексей Владимирович вдруг не чихнул. — Владик развел руками, подчеркивая, что за дальнейшее вся вина лежит на бухгалтере. — Анфиса, конечно, испугалась и подпрыгнула от неожиданности. При этом она стукнулась спиной о верхнюю полку. Оттуда на нее свалились две увесистые книги, и ошалевшая кошка, издав львиный рык, извернулась в воздухе и приземлилась прямо на пятку Алексея Владимировича, источавшего ненавистный запах, и стала терзать ее когтями и зубами.

— Вы хотите сказать, что это Анфиса издавала такие звуки? — удивленно спросила тетя Ася.

— А ты думала, зоопарк приехал, — хмыкнул Броня.

К этому времени Оксана закончила перевязку.

— Мы пойдем, — мрачно сказала она. Хромающий бухгалтер, опираясь на жену, пошел к выходу, и обиженная чета удалилась. Тетя Ася взяла Броню за рукав.

— Признавайся, свинтус, — сказала она голосом который не предвещал ничего

хорошего. — Это ты ее выпустил?

— Ничего подобного! Я случайно забыл закрыть дверь, когда уходил.

— Бронислав! — железным голосом сказала тетя Ася.

— Тетя Ася! — хором затараторили ребята. — Значит, Анфиса полдня должна сидеть на кухне, пока Алексей Владимирович будет тут торчать? У него в кабинете, между прочим, свой компьютер стоит. И вообще, — закончила Ирка. — Анфиса у себя дома.

— Ириша, — укоризненно начала тетя Ася, но Ирка лишь мотнула головой.

— Тетя Ася, вы радоваться должны.

— За что это? — удивилась тетя Ася.

— Как это за что? Может быть, теперь он не придет больше.

Тетя Ася поразмыслила и вынуждена была признать, что такая перспектива не может не радовать.

Владик первым почувствовал, что тетя Ася начинает смягчаться, и решил закрепить успех.

— Между прочим, о вас же заботились. Вам самой переводить надо, а тут этот не дает. Вас же роман ждет, да? — Владик зажмурился и откинул голову:

«Она почувствовала, как ее соски напряглись, а по телу пробежала волнующая дрожь, когда его

руки забрались...»

— Владислав! — закричала тетя Ася и расхохоталась. Самое пикантное, что упрекнуть Владика было не в чем — именно с такой фразы она и продолжит перевод. Ничего не поделаешь.

И почему она никогда не может на них как следует рассердиться!

Признав в очередной раз, что племянники выют из нее веревки, тетя Ася пригласила, наконец, всех к столу.

Пельмени удались на славу и дети уплетали их за обе щеки. Это вернуло тете Асе хорошее расположение духа, и, заручившись их обещанием помыть посуду после купания, она отправила детей на речку.

— Вы меня просто спасете, — сказала она. — Мне действительно надо поработать — роман уже горит.

Владик демонстративно пошмыгал носом и признал, что действительно, уже подгорает. Ласково потрепав его по голове, тетя Ася закрыла дверь и включила ноутбук.: «Она почувствовала, как ее соски напряглись,...» — набрала она с отвращением первые строчки.

На пляже почти никого не было. Дачники пересидели жару дома, а местные жители гнули спину на огородах. Ребята с наслаждением

прыгнули в прохладную воду и не спеша поплыли к противоположному берегу. Речка была достаточно широкой, но мелкой, с медленным течением, поэтому плавать в ней было приятно и легко. Лениво переговариваясь, дети поравнялись с лодкой, в которых сидело двое мужчин в одних шортах и почти одинаковых шляпах-панамках со змейками.

— Смотрите, — фыркнула Ирка, — какие они белые. И чем они летом занимались — совершенно не загорели.

— Прямо смотреть противно, — поддержал Броня.

Мужчины о чем-то негромко разговаривали. Слова по воде доносились далеко.

— И где такого дурака нашли? — возмущался то, что сидел на веслах. — Все испортил. Вместо того, чтобы на место принести, все сделал прямо там. Представляешь, как хозяин разозлился?

— Надо было лучше объяснить.

— Да уж объясняли. Что теперь говорить, время упущено. Теперь неделю ждать.

— А с ним что решили?

— Завтра будут решать. Уберем, наверное.

Дети поплыли обратно, легли на горячий песок и расположились позагорать. Броня размышлял о том, как весело их родители, наверное, сейчас отдыхают в Турции. На пляже

было скучно, и Броня многое бы отдал, чтобы из-за поворота реки вывернул водный мотоцикл или катер с водным парашютом. Хотя, опять же, в Турции нет Ирки и тети Аси — они, конечно, во многом компенсируют отсутствие водного парашюта. Броня вдруг обиделся на родителей. Вот тетя Ася — она бы ни за что его не оставила, если бы сама собралась уезжать. Скорее она отказалась бы от поездки и осталась вместе с ним. Он было надулся, но Владик с Иркой растормошили его, чтобы играть в «контакт». Броня сразу оживился и перестал грустить.

— Я первый загадываю, — заявил он. — Домашнее животное с рогами на букву «К». Дает молоко, — подумав, добавил он.

— Контакт! — сразу закричали Ирка с Владиком. — Корова!

— Нет! — с торжеством сказал Броня.

— Давай открывай вторую букву. Был контакт, — потребовал Владик.

— Вторая буква «А».

У ребят, которые приготовились сказать «коза», вытянулись лица. Они замолчали, сосредоточенно вспоминая, какое животное на «ка-» дает молоко и носит рога.

— Точно с рогами? — усомнилась Ирка.

— Ну, вы даете! Конечно, точно!

Ирка расстроилась. Младший Бронька на этот

раз ее переиграл. Признаваться, что она такого слова не знает, ей не хотелось, но пришлось сдаться.

— Сдаемся, пожалуй, да, Владик?

— Пожалуй, — почесал в затылке Владик.

— КАЗА! — торжествуя, выпалил Броня.

Ребята опешили, потом стали хохотать, катаясь по песку.

— Ну, академик! Ну, ты даешь!

Броня растерянно моргал:

— Вы чего?

— Так ведь КОЗА! — хохоча, простонала Ирка. — Ко-за, через «о», понял?

— Как? — удивился Броня. — А проверочное слово?

— Какое? — в свою очередь удивился Владик.

— КАЗЕЛ, — уверенно сказал Броня. — Все четко говорят: ка-а-зел.

— Ой, умру, — дрыгал ногами Владик в полном восторге. — Ирка, ты слышала? Казел! Ой, не могу!

Ирка повалилась на песок, изнемогая от смеха.

— Спросите тетю Асю, если не верите, — обиженно бубнил Броня. — И вот ржут!

— Я тебе букварь куплю, Бронечка, — пообещала Ирка, пытаясь успокоиться.

По дороге домой Броня требовал завернуть к Клеопатре Апполинариевне, чтобы доказать, что он был прав. Втайне он побаивался, что его снова поднимут на смех при тете Асе, и это кончится диктантами по русскому языку и прочими неприятностями. Но Броню отговорили — показываться на глаза Клео после истории с милицией им не хотелось, и Броня поплелся за Иркой и Владиком, ожидая новых насмешек. Им не терпелось посмешить тетю Асю, и Ирка побежала вперед к дому, крича на ходу:

— Тетя Ася, ты знаешь новое рогатое животное на букву «к»? — но, вбежав в дом, она услышала голоса, и моментально замолчала.

— Представляете, у нас Гренадерша, — прошептала она, обернувшись к мальчикам.

Тетя Ася вышла к ним навстречу, из последних сил стараясь быть любезной.

— Дети, поздоровайтесь с Зинаидой Михайловной, — утомленно сказал она. Следом за ней в коридор вышла пятилетняя внучка Зинаиды Михайловны, Ксюша.

— Вот зараза! — басом сказала она, запнувшись о ковер.

— Ксения! — послышалось низкое контральто Гренадерши. Она грозно возвышалась над внучкой, все ее сто двадцать килограмм и два метра роста выражали бурное негодование. —

Какие слова я запретила тебе употреблять?

— Дура, сволочь, зараза! — не моргнув глазом, выпалила Ксения.

— Вот, — удовлетворенно сказал Гренадерша. — Чтобы больше я их не слышала.

Ирка пораженно посмотрела на тетю Асю. Та пожала плечами. — Пойдемте чай пить, — безнадежным голосом сказала она. Зинаида Михайловна с готовностью побежала на кухню.

— Ужасно, дорогая! — продолжала греметь она. — Никогда не знаешь, какую змею ты пригрел под боком.

— Вы о ком? — полюбопытствовал Броня.

— К Клеопатре Апполинариевне приезжала милиция, вы знаете? — повернулась к нему Гренадерша. Тетя Ася тоже повернулась к ребятам и нахмурила брови, призывая их молчать.

— Так ведь... — начал Броня, но Ирка ткнула его в бок, и он ойкнул. Гренадерша продолжала вопросительно смотреть на него.

— Ведь... это... — мучительно соображал Броня, боясь ляпнуть что-нибудь лишнее. — Это... а как вы ее пригревали?

— Всегда была о ней весьма высокого мнения. Весьма! — внушительно сказала Гренадерша.

Ирку покорило. Подумаешь, какая честь — высокое мнение Гренадерши! Да она с Клео и здоровалась всегда сквозь зубы. А теперь вот

примчалась посплетничать. Можно подумать что она — сама безупречность. Ирке вдруг захотелось как-нибудь уронить репутацию Гренадерши, чтобы она не смела больше смотреть на людей сверху вниз. Решив про себя, что она непременно это сделает, Ирка повеселела и смогла смотреть на Гренадершу без прежнего отвращения.

— А что у нее произошло? — преувеличенно вежливым голосом спросила она.

— Дурная компания. Вам урок, молодые люди, вы в вашем возрасте весьма этому подвержены, весьма.

— При чем тут компания? — возмущенно начал Владик, полный решимости защитить Клео, но тут же получил в бок от Ирки.

— Вот-вот! — подняла указательный палец Гренадерша, не замечая, как Владик, удерживаемый Броней, пытается в отместку пихнуть Ирку. — Сначала собираются вместе, потом — выпивают, и вот результат: пьяный дебош.

— У Клеопатры Апполинариевны был пьяный дебош? — уточнила тетя Ася.

— У нее, у нашего божьего одуванчика. Причем настолько безобразный, что соседи вынуждены были вызвать милицию.

Грязноватый палец Гренадерши остановился перед носом Владика.

— Вот что бывает, когда дети отбиваются от

рук.

— Это Клеопатра Апполинариевна — дети? — удивился Владик.

— Вот что, — перебила его тетя Ася, со стуком ставя чашку перед Зинаидой Михайловной. — Милицию вызывала я. — Тетя Ася метнула выразительный взгляд на Ирку, чтобы та не вздумала ее поправлять.

— Ах, дорогая! — засочувствовалась Зинаида Михайловна. Она явно завидовала тете Асе из-за того, что та оказалась на месте происшествия.

— Причем — от нее самой, — пояснила тетя Ася.

— Милочка, вы слишком неосторожны. Лезть в самую гущу...

— У Клеопатры Апполинариевны произошло несчастье.

— Дорогая, она сама...

— Кто-то пробрался в ее дом в ее отсутствие, — продолжала тетя Ася, и голос ее становился все тверже. — Набезобразничал в доме, и я настояла на том, чтобы вызвать милицию. Такие вещи нельзя оставлять безнаказанными! — закончила тетя Ася голосом окружного прокурора.

Гренадерша растерянно молчала, не находя готовых сентенций на этот случай.

— И если я услышу в деревне порочащие Клеопатру Апполинариевну слухи, — продолжала

повышать голос тетя Ася, — я буду вынуждена внести свои коррективы!

Тетя Ася смотрела сверху вниз на поверженную Гренадершу. — Такие, какие сочту нужным! — внесла она ясность на всякий случай.

Дети восхищенно смотрели на тетю. Так Гренадершу еще никто не ставил на место. Ирка мысленно поаплодировала тетя Асе и пошла в туалет. На стуле у дверей кухни сидела Ксюша, которая сосредоточенно что-то бормотала, глядя прямо перед собой.

— Дура, сволочь, зараза, никогда не забуду эти слова! — услышала Ирка, проходя мимо ребенка. Ксюша повторяла запретные слова как молитву.

Ирка прошла мимо нее, и Ксюша моментально встала и пошла за ней следом.

— Чего тебе? — обернулась Ирка.

— Ску-у-чно! — протянула Ксюшка, глядя на Ирку жалобными глазами снизу вверх. Ирке стало ее жалко, и она протянула ей с полки фарфоровую статуэтку пастушки. С точки зрения Ирки пастушка была отвратительна — в бело-розовом цвете, с толстыми ногами и глупым лицом. Но с точки зрения тети Аси это был почти антиквариат, память предков, поэтому Ирка предупредила:

— Осторожно, смотри, не разбей, — и пошла дальше. За ее спиной тут же раздался грохот и звон

разбитой статуэтки. На шум вышли из кухни тетя Ася и Гренадерша.

— Слава богу, — прогудела Зинаида Михайловна. — Всего лишь статуэтка.

— Могло быть и хуже, — вздохнула тетя Ася. — Например, китайская ваза династии Мин.

Ирка поспешно отступила в туалет. Слава Богу, в доме пока есть хоть одно место, где никто не донимает. Не успела она расположиться там со всем возможным удобством, как в дверь загрохотали.

— Кто там еще? — крикнула Ирка.

— Пусти, — ожесточенно колотило в дверь Гренадершино чадо.

— Чего тебе тут надо?

— Посмотреть.

Ирка заскрипела зубами.

— Ребенок познает мир, — донесся из кухни снисходительный голос Гренадерши.

Ирка вернулась в кухню, где все сидели за столом. Владик с Броней ни за что не хотели уходить, не досмотрев представление до конца. Гренадерша вещала о погоде, а тетя Ася нервничала.

— Тетя Ася, — невинным голосом спросила Ирка. — Как продвигается ваша работа? Сколько страниц вы успели перевести?

— Две, — ответила тетя Ася.

Ребята поняли Ирку и тоже бросились тете Асе на выручку.

— Как две? — трагическим голосом сказал Броня. — Тетя Ася, что же вы, ведь уже четыре часа. Как же вы успеете сделать 20 страниц к завтрашнему дню?

— Ты прав, что-то я заболталась, — благодарно сказала тетя Ася. — Пойду-ка я поработаю.

— Конечно-конечно, дорогая, — величественно разрешила Гренадерша. — Мы с Ксюшей, пожалуй, пойдем.

— Мы вас проводим, — вскочили ребята и стали теснить Зинаиду Михайловну к дверям. — До свидания, приходите, правда, этот месяц у тети Аси ужасно занятой, ну а потом — милости просим.

Ошеломленная Гренадерша молча дошла до выхода и стала искать глазами тетю Асю, чтобы попрощаться. Но ребята загалдели, что обязательно передадут ей привет и захлопнули дверь перед самым Гренадершиным носом.

— Спасибо, — донесся из гостиной тети Асин голос.

Помыв посуду, все собрались на чердаке. Мальчики развалились на огромном дедовом диване без ножек с потрескавшейся кожаной обивкой, Ирка устроилась с удобствами на старом пружинном матрасе, облокотившись на кожаный

валик от дивана. За дверью послышался жалобный вой Рики. Он из всех сил скребся, прося, чтобы его тоже пустили. Владик открыл ему дверь, и лохматый песик радостно вбежал и запрыгал между ребятами, всячески выражая свой восторг.

— Вот стерва, — от души сказал Броня.

— А ты — двоечник! — вспомнила про козу Ирка и захохотала. Рики прыгнул ей на живот, и заплясал на нем, разделяя ее веселье. Броня же надулся и заявил, что ему еще ничего не доказали, а потому — неизвестно, кто прав. Владик не находил слов от такой безграмотности.

— Давай тетю Асю спросим, — предложил он. Но Броня был очень обеспокоен тети Асиным переводом и отвлекать ее категорически не хотел. Он, Броня, не такой уж ребенок, чтобы самому не разобраться в таком пустяке и не объяснить некоторым очевидные вещи. Когда возмущенный Владик бросался к двери, чтобы спуститься вниз и крикнуть тетю Асю, Броня закрывал дверь своим телом, не допуская, чтобы тетю Асю побеспокоили. Такая горячая забота о тете Асе объяснялась тем, что Броня уже давно согласился с ребятами, но чувство собственного достоинства позволяло ему сдаваться лишь постепенно.

Ирка тем временем листала завалывшиеся на чердаке книги. Среди них попадались детские книжки тети Асиного детства. «Мойдодыр»,

«Чудо-дерево», с невероятно милыми картинками и неуклюжими детскими рисунками на полях. А вот и «Волк и семеро козлят»:

— Броня, смотри, убедился? — показала она двоюродному брату обложку книжки.

— Ничего не убедился, — сварливо возразил Броня. — «Козлята», может, и через «о» пишутся, а «коза», может, через «а». Может, у них чередование гласных.

— О господи! — Ирка полистала книжку. — Вот, смотри, «пошла коза в лес...» — видишь, Фома неверующий?

— Ну, вижу, — нехотя признал Броня, желавший только одного: чтобы от него отстали. — Коза, может, и через «о», а козел, может и через «а».

Последнее Бронино замечание вызвало такую бурю протеста, что он уперся еще сильнее.

— Вот вы мне найдите «козла», — твердил он, — тогда поверю.

— Сам ты козел, — в сердцах сказал Владик. — Ты — самый настоящий ка-а-зел.

— А ты — ко-о-зел! — заорал Броня, и Владик на секунду замешкался, не зная, как ему реагировать на орфографически правильного «козла».

— Из-за чего сыр-бор? — поинтересовалась возникшая в дверях тетя Ася.

— Из-за козлов! — захохотала Ирка. — Тетя Ася, скажите этому барану, как пишется слово «козел?»

— Это что, шутка? — растерялась тетя Ася, но вид набывчившегося раскрасневшегося «барана» убедил ее, что ему действительно требуются пояснения. — «Козел», — вздохнула она, — пишется через «о», и сегодня после ужина я дам вам интересный диктант. Спорим, в нем вы все наделаете кучу ошибок.

— Я писать не буду, — заявила Ирка. — Я в школе все диктанты на «5» пишу.

— Уверяю тебя, деточка, тринадцать ошибок как минимум сделаешь на странице текста.

— Я? Вот увидите, максимум две.

— Увидим, — удовлетворенно улыбнулась тетя Ася. — А сейчас еще два часа продержитесь, и будем ужинать.

И она спустилась к своему переводу.

Ужинать расположились на веранде. Тетя Ася успела испечь пятиминутный пирог из ревеня. Владик не поленился натаскать сосновых шишек для самовара. Правда, ускорять процесс закипания самовара при помощи сапога тетя Ася не разрешила — за неимением сапога. У Ирки было странное чувство, будто время отмотало два столетия назад. Руки ее предков когда-то касались окружавших ее

предметов, и их души, казалось, незримо присутствовали за столом. Она была уверена, что они также любили сидеть на веранде за вечерним чаем, ведя неспешные разговоры. Интересно, одобряют ли они, что их праправнуки продолжают их традицию и тревожат старинный самовар, скрипящее плетеное неизвестным мастеровым кресло и огромный дубовый стол, простоявший на этой веранде с самого тети Асиного детства. И, пожалуй, с детства тети Асиной мамы, подумав, уточнила тетя Ася.

— Подождите, я сейчас, — вдруг вскинулась Ирка и убежала в комнаты.

Тетя Ася задумчиво смотрела на деревенскую улицу. Большинство дачников уже отужинало, и почти в каждом дворе женщины мыли посуду. Собственно, у тети Аси было такое впечатление, что они приезжали из города на дачу исключительно, чтобы мыть посуду и стирать. А еще, чтобы раздраженно отказываться, когда их приглашали купаться, или сходить в лес, или покататься на лодке. Они, конечно, не могут бросить свои тазы, потому что должен же кто-нибудь заниматься делом. И их пристыженные мужья или дети уходили без них, сознавая при этом, что они зря копят небо и сидят у своих жен на шее.

Тетя Ася умиротворенно прихлебывала душистый чай — спасибо Ирке, набрала смородиновых листьев, — не прислушиваясь к оживленному разговору детей. Вдруг она услышала их удивленные возгласы и обернулась. На веранде стояла Ирка в длинном белом платье и легкой белой косыночке на шее. Отделанный кружевами подол чуть пожелтел, но Иркина фигурка была так изящна, а старое бабушкино платье времен ее, бабушкиной, далекой молодости — так уместно на этой веранде, что все замолчали и некоторое время рассматривали Ирку, как существо из того, далекого мира. Ирка молча прошла к столу.

— Тетя Ася, — подал голос Броня. — А все эти вещи — они наши, фамильные?

— Фамильные, — улыбнулась тетя Ася.

— Тогда... — задумался Броня, — тогда давай позовем Клеопатру к нам чай пить.

— Ты рассматриваешь ее как нашу фамильную вещь? — расхохоталась тетя Ася.

— Ну, — попытался выразить свою мысль Броня, — типа того. Типа фамильной традиции. Они ведь, наверное, раньше гостей к чаю звали. Посылали за ними своих слуг, или как там.

— Ну, давай позовем, — сказала тетя Ася. — Только кто у нас будет слугой?

— Да ладно уж, давайте я схожу, — вызвался Владик, — раз нет слуги, чего уж там.

Все наблюдали, как фигурка Владика приближалась к дому Клеопатры Апполиinarieвны. Вот он постучал к ней в окошко, вот раздался ее громкий визг, и ответный вопль Владика. Через пару минут на крыльце, схватившись за сердце, показалась Клеопатра Апполиinarieвна и, поговорив с Владиком, скрылась в доме. Скоро она вышла опять, в огромной шляпе с чудовищным маком сбоку, и они оба направились к тети Асиному дому.

— Здравствуйте, — нараспев произнесла соседка, подходя к веранде. — Ну и напугал меня ваш племянник.

— Я сам со страху чуть в штаны не наделал, — проворчал Владик. — Как вы стали визжать...

— Так ведь... я ведь там, голубчик, как в осажденной крепости живу, все чего-то жду.

— Да будет вам, Клеопатра Апполиinarieвна, садитесь-ка чай пить, — приветливо сказала тетя Ася.

— Ох, деточка, какая красота, — восхищенно сказала Клеопатра Апполиinarieвна, заметив Ирку. — Какой вкус, — добавила она, рассмотрев кружева. — Правда, — объяснила она, — раньше это было утреннее платье. В нем девицы выходили к завтраку.

— Правда? — заинтересованно спросила

Ирка. Предки стали казаться ей чуточку ближе, а Клеопатра Апполинариевна была как посредник между тем миром и этим.

Между тем вечерело, и с реки повеяло сыростью. Ирка ежилась в своем легком платье, но переодеваться ей не хотелось.

— Вы знаете, — проговорила, глядя на нее, Клеопатра Апполинариевна. — Я помню, у Елены Ильиничны была замечательная шаль. Она наверняка сохранилась где-нибудь. Кстати, здесь, в шкафу на этой веранде Елена Ильинична и хранила ее.

— Кто такая Елена Ильинична? — поинтересовался Броня.

— Бабушка вашей тети Аси. Я ведь уже пожилая дама, — улыбнулась Клеопатра Апполинариевна, — и помню то поколение. Правда, сама я тогда еще девчонкой была.

Ирка, затаив дыхание, подошла к шкафу. Если она сейчас его откроет и увидит шаль, значит неведомая ей Елена Ильинична сохранила шаль для нее, своей правнучки. Высохшие дверцы шкафа легко открылись, и, покопавшись на полках, Ирка вытащила удивительно мягкую теплую шаль кремового цвета. Она накинула ее себе на плечи.

— Она самая, — обрадовано сказала Клеопатра Апполинариевна. — Надо же, как хорошо сохранилась.

Ирка не спеша села к столу. Она представила себе, что прабабушка Елена Ильинична стоит рядом, и заботливо прикрывает ее плечи теплой шалью. Пожалуй, решила Ирка, надо более бережно копаться в старых вещах на чердаке.

Стемнело. От самовара, как от печки, веяло теплом, вокруг лампы над столом вились мошки, пирог был давно съеден, но расходиться не хотелось. Рики, объевшись пирогом, лежал у ног тети Ася потолстевшим брюшком вверх, и время от времени взвизгивал, прося его погладить. Тете Асе было жаль Клеопатру Апполинариевну, которой предстояло уйти с уютной веранды в свой темный одинокий дом. Она предложила ей переночевать у них, но Клеопатра Апполинариевна замахала руками.

— Что вы, голубушка, крысы голодные, да и тоскливо им будет ночью без меня.

Ирке стало жаль соседку, коротающую свою старость в обществе крыс.

Всей компанией они проводили Клеопатру Апполинариевну домой, убедились, что у нее все спокойно и отправились домой. Ирка, переодевшаяся в привычные джинсы и свитерок, вернулась к своему обычному веселому настроению.

— Эй, Лешка, — закричала она долговязому подростку, который встретился им почти у самого

дома. — У тебя по кому траур?

Лешка, который жил с матерью через дом от них, действительно выглядел мрачновато — в черных брюках и свитере он слился с черными тенями от кустов. Вопреки обыкновению, Лешка не стал с ними зубоскалить. Торопливо поздоровавшись, он пошел к своему дому, открыл дверь ключом и молча скрылся за дверью.

— Странно, — удивился Броня. — Наказали его, что ли? Вряд ли он добровольно во все это оделся.

Тете Асе это тоже показалось странным. Лешка тщательно следил за модой и к одежде был очень придирчив. — Может, их обокрали, — предположила она.

— Прямо не Александровка, а Сицилия какая-то, и все за один вечер, — засмеялась Ирка. — Пожалуйста вам, и убийство, и ограбление.

Перед сном собрались в спальне Владика. Он ни за что не соглашался спать без «Бесовских забав», а всем хотелось их посмотреть. Ирка стала их медленно листать, а Броня с Владиком — вспоминать события сегодняшнего дня.

— Я тех мужиков в лодке недавно точно видел, — вдруг вспомнил Броня. — В супермаркете в Сосновке, точно!

— В супермаркете в лодке? — поразился

Владик.

— Дурак, — разозлился Броня. — Те мужики, которых мы в лодке видели.

— Ты их видел в супермаркете? — догадался

Владик.

— Я их по голосу и по панамкам запомнил.

— Ну и что?

— Они, наверное, мочить кого-то скоро будут, — сообщил Броня.

— Это еще почему? — удивилась Ирка.

— А слышали как он сказал? Надо, мол, его убрать.

— Кого?

— Откуда я знаю! Просто сказал — будем его ликвидировать. Забыли, что ли?

Ирка решила вернуть двоюродных братишек к действительности. Они оба обладали большой фантазией и жаждой приключений, и, если их не сдерживать, они могли натворить бед. Ирка вспомнила, что она старшая.

— Мальчики, вы опять фантазируете. Вам ужасно хочется, чтобы что-нибудь произошло. «Убрать» отнюдь не значит «мочить». Исключат кого-нибудь из какой-нибудь партии, вот и все.

Вездесущий Рики пробрался в спальню и, с разбегу прыгнув на кровать, свалил на пол тяжеленную книгу. Она упала обрезом вниз, раскрывшись посередине и примяв страницы.

— Рики, прекрати! — возопили Броня и Владик одновременно, поднимая книгу и пытаясь разглядеть смятую страницу. На ней был изображен толстый человечек с огромным носом, который подносил к широко открытому рту бутылку с явным намерением ее выпить. Из-за его плеча выглядывал довольный чертик с рогами, зловредно усмехаясь. Рядом с чертиком бурлил на огне котел, в котором то ли варился для черта обед из грешника, то ли готовилась геенна огненная для алкоголиков. Автор книги, видимо, хотел изобразить наглядно, куда попадет после своего земного существования любитель горячительных напитков. Надпись под картинкой недвусмысленно гласила: «И в огонь вечный низвергнутся козлищи, поелику бесу зело угодны». — Почему в огонь? — возмутился Броня. — Если уж они бесу зело угодны, он должен их там как родных встречать, а не в огонь совать. Это что за гостеприимство такое! И опять козлищи, прямо кругом сегодня козлы.

— Но-но, — предостерегающе сказал Владик, — полегче про козлов.

Ирка сосредоточенно смотрела на картинку, что-то обдумывая.

— Ребята, у меня мысль! — воскликнула она.

— Ты решила бросить пить? Поздравляю, — съехидничал Броня.

— Бронька, ты умеешь варить брагу? —

возбужденно глядя на него, спросила Ирка.

— Ты чего? — всерьез испугался Броня, отбирая у нее книгу. — Дай сюда, она на тебя плохо влияет.

— Слушайте, давайте проучим Гренадершу. Она меня своим чистоплюйством бесит, уже и Клео чуть ли не в алкоголики записала. Все у нее дурная компания, кроме нее самой.

— Вообще-то пора ее кому-то на место поставить, — согласился Броня.

Владик тоже горячо одобрил эту идею, предвидя возможность побузить. Правда, никто сначала не понял, зачем нужно для этого уметь варить брагу, и Ирка нетерпеливо стала излагать. Суть идеи сводилась к тому, что нужно было достать супердешевую брагу или водку, и при том качественную. По мере того как Ирка излагала, ребята оживленно кивали головами, а Рики, энергично постукивая хвостом, выражал свое одобрение.

На следующий день после завтрака Броня первым делом полез рыться в старых книгах на чердаке, где он видел поваренные книги, включая «Искусство пити». Он справедливо полагал, что это искусство сводится скорее не к способу поглощения горячительных напитков, а к их изготовлению и оказался прав.

Они с Владиком нашли даже несколько

довольно толстых книжки в бумажных обложках, наполненных рецептами браги, вина, настоек и всяческих ликеров. Оказалось, что предки очень даже этим делом увлекались. Но жили они, судя по всему, неспешно, потому что на каждый рецепт нужно было тратить месяц, а то и больше. Кроме того, каждый рецепт начинался со слов: «Возьмите ведро водки...». Владик, вытаращив глаза, предположил, что кроме алкогольных напитков предки их ничего больше и не пили, поскольку при поглощении такого количества огненной жидкости для другой места просто не могло оставаться. По его глубокому убеждению, в них не вмещался не только чай или кофе, но и суп, и они должны были неустанно пить ликеры и настойки, чтобы успеть их поглотить до нового урожая ягод.

— Глупый ты, Владька, — покровительственно сказал Броня. — Они же не только сами пили, к ним ведь и гости приходили, наверно.

— Так ведь в гостях они сами-то тоже, наверно, прикладывались, — не согласился Владик, и Бронька не нашелся, что ответить на это резонное замечание.

— Все это нам не подходит, — подвела грустный итог Ирка. — Слишком долго. Как бы нам сварганить что-нибудь по быстрому?

Выход нашелся. Не зная, что этот способ уже

был открыт изобретательным племенем алкашей, дети с удивительной находчивостью изобрели велосипед: собрали большую часть своих карманных денег, накупили обычной водки, добавили в нее «Инвайт» для цвета, отжали сок тех ягод, которые были под рукой, добавили чуть сахара и дрожжей. Ирка для верности приготовила отвар смородиновых листьев и тоже влила в водку по принципу ирландского рагу. В результате получилось приятное и некрепкое питье, которое и не снилось их дедам.

Следующим этапом было пустить нужный слух. Для этого пришлось немного пошататься у винного отдела их деревенского «супермаркета». У прилавка горестно считал грязные монеты тощий Витя по прозвищу Лохматый, — абсолютно лысый субъект, который надирался каждый день и не брезговал суррогатами типа аптечных настоек на спирту, если на бутылку не хватало. Это был застенчивый пьяница, в трезвом виде совершенно невыносимый, поскольку, как ни странно, пофилософствовать его тянуло именно тогда.

— Витя, — участливым шепотом сказал Броня. — Не хватает?

— Так ведь, — пустился в запутанные объяснения Витя, — русскому человеку всегда не хватает. Русскому человеку ить что надо? — спросил он, — русскому человеку надо...

— Чтобы дешево и много, и не отравиться, — подсказал Броня.

— Нешто такое бывает? — поразился Витя.

— Бывает, — уверил его Броня. — У Зинаиды Михайловны, которая на Вишневой живет, у детсада, знаешь?

— Так нешто она продает? — усомнился Витя, но Броня с Владиком принялись его убеждать:

— А что вы хотите, ей все лето внучку кормить надо, вот она и варит, и продает, но только по вечерам, не позже десяти.

Их компания справедливо рассудила, что если питейный спектакль будет происходить позже, у него просто не будет зрителей, поскольку дачный поселок после этого времени замирал.

— Только она смущается очень, поэтому вы у нее с подходом просите, а то застесняется и не даст.

— С подходом — это как? — спросил непонятливый Витя.

— Ну, она будет отнекиваться, говорить, мол, ничего не знаю, может быть покричит немного...

— Да уж, — печально согласился Витя, — дама она, того, хар?ктерная. По-простому то к ней не больно подберешься. Так, думаешь, продаст?

— Зуб даю, — авторитетно заявил Броня.

Вечером стали облачать Владика так, чтобы местные люмпены его не узнали. Натянули ему бейсболку до самой переносицы, а потом Броня заставил его надеть свои брюки и подвернуть их, чтобы Владик стал похож на маленького бомжа. Единственное, чего они боялись, — что Владика выдаст чересчур интеллигентная речь.

— Надо было подольше возле винного пошататься, — посетовала Ирка, — послушать, как они говорят.

— Да, образование никогда не бывает излишним, — согласился с ней Броня.

Наконец, решив, что Владик неузнаваем, компания заняла наблюдательный пост возле Гренадершиного дома. Ждать пришлось недолго. Не успели их заесть комары, как калитку отворил длинный костлявый субъект, в котором дети в сумерках опознали Витю Лохматого. Он неуверенно приближался к дому Зинаиды Михайловны.

Ирка с Броней зашипели Владикау:

— Давай, пробирайся к смородине, а то не успеешь.

Смородиновые кусты густой стеной росли возле входа в дом и надежно скрывали Владика от посторонних глаз. Дети порадовались, что назначили Вите это время, поскольку еще не совсем стемнело, и они могли все видеть, сами оставаясь

при этом незамеченными до поры до времени.

Тем временем Витя нерешительно то поднимал, то опускал руку, боясь постучать в дверь. Наконец, он слабо поскребся и стал ждать. Ребята в кустах затаили дыхание, больше всего боясь захихикать раньше времени. Зинаида Михайловна открыла дверь и возмущенно уставилась на Витю, который от смущения потирал руки, то сгибая их в локтях, то перекручивая кисти, при этом крутя большими пальцами.

— Что вам угодно? — громогласно спросила Гренадерша, пораженно наблюдая за движениями его рук. — Чем обязана столь поздним визитом?

Витя некоторое время пытался перевести ее вопрос на понятный ему язык, но, бросив это занятие как безнадежное, перешел к делу.

— Ты, это, не стесняйся, — начал он издалека.

Гренадерша ошалело уставилась на него.

— Ить русскому человеку что надо? — изрек свой любимый вопрос Витя.

— Что? — басом спросила ничего не понимающая Гренадерша.

Витя растерялся. Он не предполагал, что этот вопрос будет когда-либо переадресован ему.

— Сколько? — решил он перейти прямо к делу.

— Девять тридцать, — раздраженно ответила Гренадерша, полагая, что Витя Лохматый

осмелился постучать в ее дверь, чтобы узнать, который час.

— Ну! — поразился Витя. — Дешево берешь. А давай по девять, чтобы копейки не считать.

— Какие копейки? — после некоторой паузы спросила изумленная Гренадерша.

— Ладно, девять тридцать — так девять тридцать, — тут же согласился Витя. — Ты неси, а я посчитаю пока.

— Чего нести? — голос Гренадерши стал тихим. У нее было ощущение, что она чего-то пропустила, как будто смотрит кино с середины.

— А... эту,... бутылочку. Ты в поллитровые разливаешь?

— Что-о-о? — взревела Гренадерша. — Как вы смеете! Вон, немедленно вон!

Она с треском захлопнула дверь. Перетрусивший Витя рысью побежал к калитке, и тут-то его перехватил Владик.

— Эй, мужик, стой, — тихо позвал он.

Витя тут же замер, как вкопанный.

— Чего? — спросил он, и Владик прижал палец к губам.

— Тихо ты. Тебе брагу?

— Ну! — стал оживать Витя.

— Баранки гну! — приходя в ужас от собственного хамства, заявил Владик. — С ней деликатно надо разговаривать, а ты — бутылку, мол

неси.

— Дык, — захлопал глазами Витя, — дык как же ей втолковать-то?

— Иди давай к задней двери. Только тихо, понял?

Витя, проявляя к жизни все больший интерес, шустро засеменил к задней двери, выходявшей на кукурузное поле Гренадерши. Владик тем временем, сделал вид, будто он вернулся к Зинаиде Михайловне, и, только убедившись, что Витя скрылся за углом, пошел за ним следом с бутылкой, которую ему успела всучить Ирка.

— Деньги давай, — прошептал он, — двадцатку.

— Дык, — завел было Витя, — сама-то сказала — девять тридцать.

— Не хочешь — плати в магазине шестьдесят, — Владик сделал вид, что оскорблен, и повернулся было уходить.

— Дык ладно, давай, — всполошился Витя, — как раз двадцатка и есть. Ну надо же, до чего баба хар?ктерная, — посетовал он, и, крепко обнимая бутылку, растворился в темноте.

Владик, пригибаясь, чтобы его не заметила в кустах Гренадерша, подбежал к своим. Вместе они выбрались на улицу и только там расхохотались.

— Только бы водки хватило. И бутылок, — сказал Броня.

— Ну ты, Владька, неподражаем. Интересно, кем ты в предыдущей жизни был? — восхищалась Ирка.

Навстречу им шел Лешка — на этот раз в джинсах и в пестрой рубашке, которую он самонадеянно называл «гавайской». Он остановился, заметив ребят.

— Привет честной компании, — сказал он.

— О, сегодня ты при полном параде, — одобрительно сказала Ирка. — Ты откуда?

— Так, совершаю моцион перед сном.

— Один? — удивился Владик?

— Человек никогда не бывает один! — внушительно заявил Лешка.

Владик повертел головой:

— А с кем? — поинтересовался он.

— Мал ты еще, — натянул ему бейсболку на нос Лешка.

— А правда, где они? — озирался Броня?

— Кто?

— Ну, ты же сказал, что не один?

— Это в метафизическом смысле, — снисходительно пояснил Лешка.

— Ой, Лешик, брось, — засмеялась Ирка. — Пошли завтра с нами купаться — не в метафизическом смысле, а просто в физическом?

Лешка с удовольствием согласился. Броня недовольно посмотрел на нее. Им вместе и так

хорошо друг с другом, и зачем она Лешку приваживает? И не поговорить при нем спокойно, не обсудить собственные животрепещущие проблемы. Броня с горечью вынужден был признать, что у Ирки есть еще и свои интересы, не ограничивающиеся их компанией. Владик же, судя по всему, наоборот был доволен: Лешка отлично плавал и не прогонял Владика, когда тот приставал к нему с просьбой покинуть его с рук в воду или подурачиться. Условившись, где они завтра встретятся, дети пошли к дому и в саду увидели встревоженную тетю Асю.

— Ну и где вы пропадали? — возмущалась она. — Уже темно совсем, давно пора быть... ой, что у тебя за вид? — удивленно спросила она Владика.

— Не беспокойся, тетечка Асечка, — отвлекла ее от неприятной темы Ирка. — Мы совершали моцион перед сном, совсем рядом с домом, перед сном полезно.

— А что у Клеопатры Апполинариевны слышно? — с надеждой в голосе спросил Владик.

Все в порядке, — успокоила его тетя Ася. — Видимо, на самом деле какой-то юный вандал к ней залез.

— Вандал? — удивленно спросил Владик?

— Ну, хулиган такой. Особо опасный, — пояснила Ирка.

Поедая тети Асину запеканку и наслаждаясь домашним уютом, все позабыли про настоящие и придуманные страхи и горячо обсуждали один вопрос — имеет ли тетя Ася право корректировать наиболее нелепые сцены переводимого ею романа.

На следующий день погода была замечательная, и с Лешкой купаться было намного веселее. Он прихватил мяч, и они весело носились в воде, разбрасывая брызги и оглашая реку радостным визгом. Лешка ударил по мячу слишком сильно, и он отлетел далеко от берега, где его тут же подхватило течение. Ирка с Броней кинулись его догонять, пока он не скрылся за поворотом. Поворот был совсем рядом с пляжем, и они-таки не успели: пришлось плыть дальше. Ирка старалась изо всех сил и почти догнала мяч. Он был под самыми ее руками, но ускользал, когда она пыталась его схватить. Лешка пытался схватить мяч сам, плывя слева от нее, ближе к берегу. Он нащупал ногами илистое дно и, весело хохоча, колотил руками по воде, чтобы мяч уплыл от Ирки. На них внимательно смотрели двое мужчин, которые стояли на берегу — на их головах были бежевые панамки со змейками. Лешка сделал удачный прыжок, почти полностью выпрыгнув из воды, и схватил, наконец, мяч. Ирка взвизгнула и попыталась вырвать его из загорелых Лешкиных

рук.

— Я первый, не догнала, — кричал Лешка. Вдруг Ирка почувствовала, что его крепкая хватка ослабла и мяч оказался в ее руках. Она осознала, что визжать продолжала она одна — Лешка вдруг замолчал. Она взглянула на него и удивилась: оживленное выражение вдруг сползло с его лица, и он молча стал разворачиваться назад.

— Лешка, ты куда, подожди! — кричала она вслед, но он молча плыл обратно. Ирка, ничего не понимая, плыла следом, пытаясь удержать мяч между руками. Она вылезла на берег за Лешкой. Броня с Владиком радостно бросились навстречу спасенному мячу, но споткнулись о Лешкино выражение лица. Точнее сказать, на отсутствие всякого выражения. Лешка почти не отвечал на вопросы. — Ничего не случилось, — твердил он. — Просто мне уже пора.

Вдруг Ирку осенило: — Лешка, ты тех мужиков испугался, на берегу? Мы их уже видели однажды в лодке, противные такие...

— Никого я не испугался, — мрачно заявил Лешка. — А тех мужиков я вообще не знаю.

— Ну да, не знает он, — недоверчиво протянула Ирка, глядя в спину удаляющемуся Лешке. — Так весь прямо и обомлел, как их увидел.

— Но почему он нам ничего не сказал? И что за секреты у него завелись? — недоумевал Броня.

— Что за мужики? — недоуменно крутил головой Владик. — Где?

— Тут рядом, на берегу, — пояснила Ирка. — Их за поворотом не видно.

— Так давайте проследим, — загорелся Владик.

Ребята посмотрели друг на друга и бегом бросились вперед. То место на берегу, где река делала поворот, поросло кустарником. Добежав до ближайших кустов, дети остановились, отдышались, и дальше пошли не торопясь, якобы просто гуляя. Но мужчины, естественно, тоже не сидели на месте: ребята увидели лишь их спины, удаляющиеся в сторону Сосновки.

— Значит, они в Сосновке живут, — сделал вывод Владик.

— Владька, а ты не хочешь их до дома довести? — предложил Броня. — Ты маленький, какой с тебя спрос.

— Я маленький? — возмутился Владик.

— Ну, это они так подумают. Зато ты внимания не привлечешь, — утешил его Броня. — Видишь, у тебя сплошные преимущества.

— Бросьте, ребята, вдруг это опасно, — Ирка вспомнила, что она старшая. Но Владик был уже далеко впереди.

— А Владик где? — всполошилась тетя Ася,

когда Ирка с Броней вернулись домой без него... — Он же маленький, как вы могли оставить его одного?

Ирка и в самом деле вдруг почувствовала тревогу. — Не бойся, тетя Ася, мы его не на пляже оставили. Просто он захотел прогуляться немного. Я сейчас за ним схожу.

Она побежала в сторону Сосновки, ругая себя, на чем свет стоит. А вдруг они бандиты и заподозрят, что Владик за ними следит? Успокаивая себя, она твердила, что им в голову не придет подозревать 11-летнего ребенка, но бежала все быстрее. Тропинка между Сосновкой и Александровкой была только одна, и разминуться они не могли. Вот Ирка уже добежала до деревни, а Владика все не видно. Она вбежала на главную улицу, в которую переходила дорога, и остановилась. Куда бежать дальше? Владик мог быть на любой из параллельной улиц, и они легко могли разминуться. Она немного помедлила, и пошла к местному магазину, находящемуся на центральной улице. Его почему-то называли супермаркетом, и там действительно можно было найти многое из того, что в городе трудно было встретить. Судя по времени, которое уже прошло, Владик уже мог посетить половину домов в Сосновке, и сейчас, наверное, торчал в магазине. Ирка перешла пыльную площадь перед магазином и